

О ДОБЫВАНИИ ОГНЯ

З.ФРЕЙД

Предисловие

Культурологическая тема в творчестве З.Фрейда начинает мощно звучать, начиная с 1918-1919гг., когда вышла в свет его работа “Тотем и табу”. Применив психогенетический закон о единстве онтогенеза и филогенеза, Фрейд в этой работе “опрокидывает” Эдипов комплекс в древнейшее прошлое человечества и приходит к выводу, что культура (цивилизация) возникает в результате ограничения влечений, введения запретов на их бесконтрольное удовлетворение. Постепенно Эдипов комплекс из “семейного романа” превращается в “исторический роман” (Фрейд).

В 1930г. опубликована работа “Неудовлетворенность культурой”, в которой Фрейд весьма пессимистически оценивает историю человечества и его будущее, констатируя, что технический прогресс не принес и едва ли принесет человеку счастье. Человек – творец и дитя культуры, но за жизнь в культуре он платит счастьем, так как его влечения подавлены, что и порождает, в конечном итоге, невротические и другие заболевания.

Идея происхождения культуры на примере освоения огня человеком в результате запрета на удовлетворение влечений представлена в публикуемом ниже эссе “О добывании огня” (1932)*. Оно интересно также применением метода интерпретации, в данном случае – мифов. Известно, что метод психоаналитического толкования сновидений, а позже – ошибочных действий, был представлен Фрейдом в его главной работе “Толкование сновидений”, а затем в “Психопатологии обыденной жизни”. В психоанализе проводятся прямые аналогии между сновидениями и мифами (см., например, работу К.Абрахама “Сон и миф”). Если сновидение – феномен индивидуальной психики, то миф – как бы “коллективное” сновидение. Фрейд полагал, что мифы и сновидения содержат по сути одни и те же символы. В эссе “О добывании огня” Фрейд пытается посредством психо-

* “Zur Gewinnung des Feuers“ (1932) - Перевод выполнен по изданию: Freud Sigmund. *Gesammelte Werke*. Bd.16. Frankfurt a. M., 1968, s.3-9.

аналитического толкования некоторых мифов обосновать гипотезу о том, что люди, покорив огонь, стали его хранить, наложив запрет на распространённый способ гасить огонь струей мочи. В этом действии Фрейд усматривает удовлетворение сексуального влечения, так как огонь и его пламя символизируют, как он считает, фаллос.

Работа является блестящим примером символического видения культурных явлений, мифологических образов и их психоаналитической интерпретации. Следует обратить внимание на многомерность символики и соответственно различное ее истолкование. Так, огонь – фаллическое, но огонь также – символ либидо, любовного влечения.

Если “работа” сновидения, творя символы, искажает скрытые желания вплоть до противоположности, то и миф “исполняет” сходную работу, в зашифрованной символической форме представляя реальное событие. Задача психоаналитика – обратная: толкуя мифы, раскрывая их символы, обнаружить суть реальных событий. Итак, считает Фрейд, люди покорили огонь потому, что научились его хранить, ограничивая свои влечения; и герой Прометей несет не огонь в полом стволе фенхеля, а “воду” в пенисе, в о з д е р ж и в а я с ь от гашения огня. Прометей похитил огонь у богов, хотя боги все равно обманут – им разрешено все, удовлетворение всех своих влечений, на долю же смертных выпадает запрет. Таким образом, влечение и его удовлетворение – привилегия богов, другими словами – счастье, недостижимое в условиях культуры, жестко ограничивающей удовлетворение влечений.

Читателю предоставляется возможность ознакомиться с содержанием этого небольшого, но яркого эссе и приобщиться к искусству интерпретации мифологических образов, которое с таким блеском продемонстрировано в нем З.Фрейдом.

Предисловие – *Л.И.Бондаренко*;

Перевод и комментарий – *Л.В.Сувойчик*.

В примечании к моему сочинению “Неудовлетворенность культурой” я, скорее попутно, упомянул, какое предположение о добывании огня первобытным человеком можно построить, опираясь на психоаналитический материал. Возражения, высказанные Альбрехтом Шеффером (“*Die Psychoanalytische Bewegung*”, Jahrgang II, 1930, s.251) и неожиданная ссылка на

сообщение Эрленмейера* о запрете монголов мочиться на пепелище** побуждают меня снова возвратиться к обсуждению данной темы***.

Я полагаю, что моя гипотеза о том, что предварительным условием овладения огнем был отказ от гомосексуально направленного желания тушить пламя струей мочи, подтверждается в интерпретации греческой легенды о Прометее, если принять во внимание искажение факта в содержании мифа. Эти искажения предстают искажениями того же рода и не хуже тех, которые мы повседневно наблюдаем, восстанавливая по сновидениям наших пациентов их вытесненные (в подсознание – *Пер.*) и все же крайне значимые переживания детства. Применяемые при этом механизмы – изображение посредством символов и превращение в свою противоположность.

Я не осмеливаюсь все черты мифа объяснить таким способом; кроме его первоначального содержания, в него могли быть привнесены другие и более поздние наслоения. Но элементы мифа, допускающие аналитическое толкование, являются все же самыми необычными, наиболее заметными и крайне важными, а именно – способ, которым Прометей переносит огонь, характер его действия (проступок, кража, обман богов) и смысл наказания за него.

Итак, титан Прометей, по своей природе еще божественный культурный герой*, изначально, вероятно, демиург и создатель человеческого рода, приносит людям огонь, похищенный им у богов, спрятав его в полем стволе фенхеля. Мы склонны представить такого рода предмет, в соответствии с теорией толкования сновидений, как символ пениса, хотя нам при этом мешает необычное акцентирование полости. Но как тогда связать этот символ ствола-пениса с сохранностью огня? Это кажется безнадежным до тех пор, пока мы не вспомним о часто встречающемся в снах процессе искажений, превращения в противоположность, переворачивания отношений, зачастую скрывающемся от нас смысл сна. Не огонь помещает человек в стволе-пенисе, а, наоборот, средство, способное погасить огонь, – воду своей мочевой струи. На эту связь огня и воды опираются хорошо известные, богатые психоаналитические материалы**.

* Э.Х. Эрленмейер. *Заметки по поводу фрейдовской гипотезы об укрощении огня.* (E.H.Erlenmeier. *Notiz zur Freudschen Hypothese über die Zähmung des Feuers.* – *Imago*, XVIII, 1932).

** Правда, на горячий пепел, из которого еще можно получить огонь, а не на потухший.

*** Возражение Лоренца, высказанное им в “Хаосе и ритуале” (Lorenz, *Chaos und Ritus.* – *Imago*, XVIII, 1931, s.433), исходит из допущения, что укрощение огня, якобы, вообще началось с открытия способности произвольно вызывать его посредством некоей манипуляции. Напротив, д-р Дж. Харник (J.Harnik) ссылается на высказывание д-ра Рихарда Лаша (в собрании сочинений Георга Бушанса “Иллюстрированная этнография” {*Georg Buschans Sammelwerk “Illustrierte Völkerkunde”, Stuttgart, 1922, Bd.I, s.24*}): “Вероятно, искусство хранения огня долгое время предшествовало добытию огня; соответствующее доказательство этого обстоятельства обнаруживает тот факт, что современные пигмееподобные коренные жители Андаманских островов, хотя и не владеют огнем и умеют его хранить, однако не знают автохтонных (первоначальных, исконных – *Пер.*) методов его получения”.

* Затем был полубог Геракл; Тезей – уже полностью человеческой природы.

** “Психоаналитический материал при всей его полноте и недостоверности интерпретации позволяет высказать, по крайней мере, одно, – звучащее фантастически, – предположение относительно происхождения этого (речь идет

Во-вторых, добыча огня есть такого рода проступок, который проистекает из факта кражи. Этот момент является константой всех сказаний о покорении огня. Он имеет место у самых разных и наиболее отдаленных друг от друга народов, а не только в греческой легенде о похитителе огня – Прометее. Следовательно, здесь должно быть заключено существенное содержание искаженных реминисценций человечества. Однако, почему получение огня неразрывно связано с представлением именно такого рода проступка? Кто в данном случае предстает в качестве потерпевшего, обманутого лица? Легенда Гесиода содержит непосредственный ответ. Между тем, в одном из ее переложений, не связанном напрямую с огнем, Прометею, действующему в пользу людей, допускается жертвой обмана выбрать Зевса. Итак, обмануты боги! Согласно мифу, на долю богов выпадает удовлетворение всех прихотей; смертному же в этом должно быть отказано, как это нам уже известно хотя бы на примере инцеста. С позиции аналитического рассуждения мы бы сказали, что влечение – это бог, пусть и обманутый отказом погасить огонь. Человеческое желание в легенде наделяется божественной прерогативой, превращаясь в привилегию богов. Но божество в легенде не имеет ничего характерного для “Сверх-Я”, оно еще является представителем мощных инстинктивных форм жизни. Превращение в противоположность – самая существенная черта третьей части легенды, имеющей отношение к наказанию похитителя огня. Прометея приковывают к скале, коршун ежедневно клюет его печень. Также и в иных “огненных” легендах у других народов птица играет определенную роль, она должна быть занята делом; и я пока воздерживаюсь от истолкования последнего. Зато мы чувствуем себя на твердой почве, когда речь заходит об объяснении того обстоятельства, почему именно печень избрана местом наказания, местом причинения боли. Для наших предков печень считалась местоположением всех страстей и вожделений. Следовательно, наказание, подобное наказанию Прометея, было бы справедливым для преступника, действовавшего по воле импульса, влечения, совершившего проступок под влиянием злой прихоти. Но дарителя огня отличает точная противоположность этого: он отказался от влечения, продемонстрировав, как благо-

об укрощении огня – Пер.) огромного человеческого достижения. Для первобытного человека было, как будто, обычным при встрече с огнем тушить его струей мочи, находя в этом детское наслаждение. Существующие легенды не позволяют сомневаться в первоначальном фаллическом толковании взвизывающихся ввысь языков пламени. Тушение огня указанным выше способом, – вспомним, что к этому позже прибегали и дети-гиганты – Гулливер в стране лилипутов и Гаргантюа у Рабле, – было, таким образом, подобно сексуальному акту с женщиной, наслаждению мужской потенцией в гомосексуальном соревновании. Тот, кто первый отказался от этого наслаждения, кто пощадил огонь, тот смог унести его с собой и поставить себе на службу. Он укротил огонь природы тем, что заглушил огонь своего собственного сексуального возбуждения. Эта победа цивилизации стала как бы наградой за то, что человек превозмог свой инстинкт. В дальнейшем женщина как бы была избрана в качестве хранительницы плененного и закрепленного в домашнем очаге огня, потому что она по своему анатомическому строению не могла поддаваться соблазну наслаждений такого рода. Стоит при этом также отметить, сколь регулярны свидетельства психоаналитического опыта о взаимосвязи между титцеславием, огнем и уретральной эротикой” (Фрейд, “Неудовлетворенность культуры”. – М., 1990. – с.30).

творен и как необходим такой отказ в целях развития культуры. Почему же столь значительное культурное благодеяние должно рассматриваться в легенде как преступление, заслуживающее наказания? Если наперекор всем искажениям в легенде все же просматривается тот факт, что предпосылкой получения огня был отказ от влечения, то, стало быть, в ней отчетливо выражена злоба, которую, похоже, питало к культурному герою страстное человечество. И это согласуется с нашей позицией и ожиданиями. Мы знаем, что требование отказа от влечения и осуществление этого требования вызывают наслаждение враждой и агрессией, которые на более поздней фазе психического развития замещаются чувством вины.

Непрозрачность легенды о Прометее, как и других мифов об огне, усиливается благодаря тому обстоятельству, что огонь для первобытных людей, скорее всего, выступал и аналогом любовного влечения – как мы бы сказали: символом либидо. Тепло, излучаемое огнем, вызывает то же ощущение, которым сопровождается состояние сексуального возбуждения, и пламя формой и движением напоминает активный фаллос. То, что пламя в мифологическом понимании предстает в качестве фаллоса, не должно вызывать сомнения, о чем свидетельствует легенда о происхождении римского царя Сервия Туллия*. Когда мы с вами говорим о пожирающем огне страсти и об извивающемся пламени, сравнивая, таким образом, пламя с языком, то мы по способу нашего мышления не столь далеко ушли от примитивных предков. В нашем дедуктивном выводе о добывании огня тоже содержалась предпосылка, что для первобытного человека попытка тушить огонь собственной мочой означала сладострастную борьбу с другим фаллосом.

Возможно, путем такого символического уподобления в миф проникли и иные чисто фантастические элементы, которые переплелись в нем с историческими. Нельзя отделаться от мысли, что если печень – местоположение страсти, то, будучи истолкованной символически, она означает то же самое, что и огонь, и что ее ежедневное поедание и обновление суть точное описание отношений любовного влечения, которое удовлетворяется и ежедневно воссоздается. Птице, которая досыта насыщается, поедая печень, выпадает при этом назначение пениса, которое ей не чуждо, как это признается мифами, сновидениями, языковой практикой и пластическими изображениями древности. Еще один маленький шаг вперед приводит нас к птице Феникс, которая после каждого сожжения выходит вновь обновленной, и когда-то, вероятно, означала вновь оживший после расслабления фаллос, как заходящее в вечерней заре, а затем вновь восходящее солнце.

* Сервий Туллий (*Servius Tullius* – лат.) – жестокий римский царь (578–534 гг. до новой эры).

Позволительно задать вопрос, вправе ли мы приписывать мифотворческой деятельности намерение замаскировать, как будто бы играя, общеизвестные, но чрезвычайно интересные духовные процессы изображением их телесных проявлений, не имея никакого иного мотива, кроме чистой страсти к изобразительности. На этот вопрос, разумеется, нельзя дать достоверного ответа без понимания сущности мифа, однако для наших обоих случаев обнаружить неизменное его содержание и тем самым распознать вполне определенную тенденцию не представляет особого труда. В обоих сюжетах описывается воспроизведение либидозного влечения после того, как, насытившись, оно угасло, иными словами – его неразрушимость. Подчеркивание этой особенности становится вполне уместным в качестве утешения в том случае, если историческим зерном мифа является поражение влечения и ставший необходимым запрет на его удовлетворение. Последнее предстает как еще одна вполне понятная реакция первобытного человека, ущемленного в своем влечении: инстинкт восстановлен в своих правах, а наказанный обидчик, по сути, никому не причинил никакого вреда.

Неожиданно мы встречаем превращение в свою противоположность еще в одном из мифов, который, как первоначально кажется, к “огненным” мифам имеет весьма незначительное отношение. Лернейская гидра с бесчисленным множеством извивающихся змееобразных голов (среди них одна голова бессмертная), как свидетельствует ее название, – суть дракон, обитающий в воде. Культурный герой Геракл* побеждает ее, отрубив ее головы, но они вырастают снова и снова, и он только тогда становится властителем чудовища, когда с помощью огня сжигает бессмертную голову. Представление о водяном драконе, укрощенном с помощью огня, теряет всякий смысл. Но, правда, как и в многочисленных сновидениях, в мифе имеет место переворачивание манифестируемого содержания. Тогда гидра – суть огонь, извивающиеся змееобразные головы – языки пламени, и, в качестве доказательства ее либидозной природы, она, как печень Прометея, демонстрирует феномен возрождения, обновления после испытанного разрушения. Стало быть, Геракл гасит этот огонь посредством воды (пожалуй, бессмертная голова выступает в качестве самого фаллоса, ее уничтожение – как кастрация). Но Геракл еще и – освободитель Прометея, убивший птицу, пожирающую его печень. Не следует ли разгадать глубокую связь между обоими мифами? Суть ее выглядит так, как если бы дело одного героя было исправлено делом другого. Прометей запретил тушить

* Геракл (греч. *Herakles*, лат. *Herkules*) – в греческой мифологии герой, сын Зевса и смертной женщины Алкмены, жены Амфитриона. Его братом-близнецом, сыном Амфитриона, был Ификл. Когда Гера хотела убить младенца Г., натравив на него двух змей, Г. задушил их (мраморная статуя во Флоренции, Галерея Уффици). (О подвигах Геракла см.: {Мифологический словарь. М., 1991, с.147}).

огонь, подобно закону монголов, а Геракл – разрешил в случае, если пламя грозит бедой. Второй миф, по-видимому, соответствует реакции позднейшей культурной эпохи на покорение огня. Складывается впечатление, что можно было бы, опираясь на эту догадку, значительно глубже проникнуть в тайну мифа, и действительно, только малое расстояние отделяет наше интуитивное чувство от уверенности. Для противопоставления огня и воды, которому посвящена большая часть мифа, кроме исторического, символическо-фантастического, показателен еще третий момент, определенный физиологический факт, который выражен строками поэта:

*...Средство для опорожнения
служит для деторождения...
(Гейне)**

Мужской половой орган выполняет две функции, которые, будучи взяты вместе, вызывают у некоторых чувство досады, раздражения. Он обеспечивает удаление мочи и совершает половой акт, в результате чего ослабляется тетива генитального либидо. Ребенок еще полагает, что обе эти функции могли бы быть связаны воедино; по его детской “теории”, дети появляются на свет благодаря тому, что мужчина в тело женщины испускает мочу, но взрослый знает, что оба акта, в действительности, несовместимы друг с другом, так же как несовместимы огонь и вода. Если мужской член приходит в состояние возбуждения, которое придает ему значение, уравниваемое с назначением птицы, и тем самым позволяет испытать ощущение, подобное тому, что напоминает тепло огня, то тогда мочеиспускание становится невозможным. И, наоборот, когда он служит для опорожнения тела от жидкости, то тогда все его связи с генитальными функциями утрачиваются. Противоположность обеих функций позволяет нам отметить, что человек свой собственный огонь гасит собственной водой. И первобытный человек, который должен был осваивать внешний мир с помощью своих собственных физических ощущений и телесных корреляций, не мог оставить незамеченными и неиспользованными те аналогии, которые предоставляло ему поведение огня.

* “...Was dem Menschen dient zum Seichen
Damit schafft er Seinesgleichen...”
(Heine)